

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.12>

UDC 811.111'38
LBC 81.432.1-55

Submitted: 22.05.2019
Accepted: 04.11.2019

FORMALITY AS A STYLE-FORMING PROPERTY OF ACADEMIC ENGLISH: SYNCHRONIC ANALYSIS OF MEDICAL RESEARCH TEXTS

Anna O. Stebletsova

Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Voronezh, Russia

Irina I. Torubarova

Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Voronezh, Russia

Abstract. The paper discusses academic formality as a basic linguistic and stylistic property which indicates academic discourse. The objective of the research is to identify specific features and means of formality representation in medical discourse. The material of the research includes a corpus comprised of fifteen authentic open – access research articles published in *European Journal of Epidemiology* in 2019. The texts of the articles were processed within the framework of descriptive linguistic analysis. The quantitative analysis and statistic processing was performed with *Compleat Lexical Tutor v.8.3*. The results of the research have revealed lexical, syntactical, grammatical and stylistic means of formality representation in medical research texts. The lexical diversity coefficient ranges from 0.22 to 2.27, which demonstrates a high level of vocabulary complexity and a relatively low level of vocabulary diversity. The high level of lexical density is acquired by a frequent use of noun groups, nominalization and medical terminology including abbreviations and acronyms. Stylistic repetitions of vocabulary and syntactic structures are registered on all texts of the research corpus. Along with a widespread use of passive and impersonal structures the texts of the research have demonstrated a tendency to use subjective language (*we / our* pronouns) for an author stance. The authors have made a conclusion that this might be an indication of a shift towards simplicity and ersonification in academic formality representation.

Key words: formality, Academic English, medical research text, lexical diversity, lexical density, abbreviation, acronym, stylistic repetition.

Citation. Stebletsova A.O., Torubarova I.I. Formality as a Style-Forming Property of Academic English: Synchronic Analysis of Medical Research Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 157-173. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.12>

УДК 811.111'38
ББК 81.432.1-55

Дата поступления статьи: 22.05.2019
Дата принятия статьи: 04.11.2019

ФОРМАЛЬНОСТЬ КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АКАДЕМИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО: СИНХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ

Анна Олеговна Стеблецова

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Ирина Ивановна Торубарова

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Аннотация. Статья посвящена академической формальности, которая рассматривается как комплексная лингвостилистическая характеристика, маркирующая принадлежность текста к академическому дискурсу. Цель работы – выявление особенностей реализации формальности в медицинском дискурсе. Материал

исследования составил корпус из 15 оригинальных англоязычных медицинских статей, опубликованных в «European Journal of Epidemiology» («Европейский журнал эпидемиологии») в 2019 году. Указанные тексты рассмотрены с позиций дескриптивного лингвистического анализа. Количественная и статистическая обработка данных проведена с использованием программы Compleat Lexical Tutor v.8.3. В результате исследования выявлены и описаны лексические, грамматические и стилистические средства манифестации формальности в научном медицинском тексте. Определен коэффициент лексического разнообразия; он свидетельствует о высокой стандартизованности и терминологичности текстов. Выявлено, что высокая лексическая плотность текстов достигается за счет использования отглагольных существительных, номинативных групп, терминологических аббревиатур и акронимов. Стилистические повторы зафиксированы во всех исследованных статьях. Показано, что при стабильно широком использовании страдательных и безличных конструкций современные медицинские тексты демонстрируют тенденцию к активному выражению авторской позиции с помощью местоимений единственного числа. Установлено, что при реализации академической формальности в медицинском дискурсе намечаются тенденции к упрощению и персонификации текста.

Ключевые слова: формальность, академический английский, научный медицинский текст, лексическое разнообразие, лексическая плотность, аббревиатура, акроним, стилистический повтор.

Цитирование. Стеблецова А. О., Торубарова И. И. Формальность как стилеобразующая характеристика академического английского: синхронический анализ научных медицинских текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 157–173. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.12>

Введение

В настоящее время не существует признанной дисциплины, называемой медицинской лингвистикой, однако некоторые исследователи говорят о необходимости ее выделения из круга лингвистических дисциплин [Henrik, 2004]. В рамках данного направления перед учеными стоит комплекс задач: от изучения формирования и развития языка этой специальной сферы [Стеблецова, Варнавская, 2018] до исследования «медицинских» жанров и дискурса [Bhatia, 2002; Nyland, Hamp-Lyons, 2002; Swales, 1988; 1990]. В эволюции языка, который использовали в общении друг с другом врачи, а затем и доктора, можно проследить несколько периодов: «греческий» период (V–IV вв. до н. э.); период медицинской латыни (достиг расцвета в XVI–XVIII вв. н. э.); период национальных медицинских языков (начало XIX – XX в.), характерной чертой которого было активное использование элементов греческого и латинского языков для создания терминов, обозначающих новые явления в медицине; период современного медицинского английского (начало XXI в.).

Уже в 80-е гг. прошлого века Дж. Свейлз использовал понятие «English as an international language» (английский как международный язык, или международный английский) и назвал современный период эпохой всевозрастающего доминирования английского языка

[Swales, 1988]. Сегодня наиболее влиятельные медицинские журналы издаются на английском языке, который стал *lingua franca* мировой науки и международных исследований. Кроме того, английский как язык научных медицинских публикаций является серьезным посредником в распространении медицинского знания, воспитательным и образовательным инструментом [Stebletsova, Torubarova, 2017] и проводником профилактической медицины [Стеблецова, 2018].

О возросшей роли английского языка в науке в целом свидетельствует тот факт, что авторитетные научные журналы напрямую связывают качество проведенного исследования с качеством его лингвистической презентации в публикации. Именно поэтому журналы таких издательств, как «Springer» и «Elsevier», дают обстоятельные рекомендации в инструкциях для авторов о жанрово-стилистических нормах публикации [Author...; Guide...]. Недавняя работа Йонеока и Ота [Yoneoka, Ota, 2017] позволила выявить взаимосвязь между лингвистическими характеристиками научной статьи и качеством рандомизированного контролируемого исследования.

Решению практических задач международной научной коммуникации отвечает английский для академических целей, или English for Academic Purposes (EAP), – отрасль прикладной лингвистики, которая за последние 25 лет стремительного развития заняла веду-

щую позицию в сфере преподавания и исследования языка [Hyland, Hamp-Lyons, 2002]. Ее выделение из более широкой дисциплины – английского для специальных целей, или English for Specific Purposes (ESP), – произошло на фоне активного развития науки и академического взаимодействия в мировом масштабе, иными словами, глобализации научных исследований и, как следствие, потребности в универсальном или стандартизированном языке-посреднике. EAP называют эклектичной и прагматичной дисциплиной [Hamp-Lyons, 2011], поскольку она объединяет большой спектр лингвистических и методических предметов и рассматривает многие академические или образовательные проблемы с точки зрения их потенциального вклада в EAP.

Мы разделяем точку зрения ученых, считающих, что теоретические основы для выделения EAP в самостоятельную дисциплину были заложены Дж. Свейлзом, который в своей работе «Анализ жанров» предложил модель Create a Research Space (CARS), описывающую речевые обороты, типичные для использования в научных статьях, а также поставил цель – создание метода обучения английскому для академических и исследовательских целей [Swales, 1990]. Эти теоретическое и методическое направления, заданные ученым в конце прошлого века, в настоящее время активно развиваются в работах К. Хайленда, Л. Хэмп-Лайонз, Э. Джиллета, В. Бхатия, Э.Дж. Девитт и др. [Bhatia, 2002; Devitt, 2015; Gillett, Hammond, Martala-Lockett, 2009; Hamp-Lyons, 2011; Hyland, Hamp-Lyons, 2002].

Сегодня для исследования EAP в теоретическом и практическом аспектах применяются междисциплинарные подходы, дающие возможность получить представление о структуре и значении научных (academic) текстов, требованиях, предъявляемых академическими текстами к коммуникативному поведению участников общения в данной сфере, и педагогических практиках, с помощью которых академический английский можно развивать [Hyland, Hamp-Lyons, 2002], то есть формировать академическую грамотность, представляющую собой сложный набор позволяющих добиться успехов в академической карьере навыков. Некоторые ученые разграничивают понятия *academic literacy* – навы-

ки, необходимые для академической области знания, – и *academic literacies* – содержание, язык, практика и стратегия для понимания, обсуждения, организации и создания текстов [De Chazal, 2014; Johns, 1997]. А. Видеман определяет академическую грамотность как способность использовать язык для удовлетворения потребностей высшего образования и характеризует составляющие ее компоненты как сложный комплекс способностей когнитивного характера [Weideman, 2018]. Кроме того, она должна обязательно включать знания о языковых и дискурсивных характеристиках научного текста, совокупность которых и позволяет академическому английскому быть универсальным языком-посредником современной научной коммуникации.

Отечественные ученые в разное время применительно к русскому языку выделяли такие характеристики научного стиля, как логическая строгость, объективность, последовательность и точность изложения, стандартизация, унифицированность, своеобразная клишированность средств выражения [Бахтин, 1979; Виноградов, 1981; Кожина, 2006; Самарская, 2018]. Н.И. Колесникова, анализируя работы, посвященные научному стилю, называет следующие его специфические особенности: отвлеченность, обобщенность, подчеркнутая логичность, терминологичность («терминированность»), смысловая точность, ясность, объективность изложения, стандартность, стереотипность, краткость, сжатость, лаконичность, безличность, некатегоричность (толерантность), эмотивность, образность [Колесникова, 2010]. Вслед за В.Е. Чернявской, ученый считает, что стандартизированными характеристиками, общими для каждого научного текста, являются обобщенность, подчеркнутая логичность, объективность, некатегоричность, доказательность, точность и ясность [Колесникова, 2010, с. 135; Чернявская, 2006, с. 12]. Г.Б. Поспелова, проводя обзор работ зарубежных лингвистов, посвященных выявлению характеристик научного стиля в английском языке, указывает на логичность, связанность, абстрактность, точность, объективность, формальность, номинальность, информационную насыщенность, сжатость текстов [Поспелова, 2012] (см. также: [Biber, Gray, 2010; Crompton, 1997; Gray, Cortes, 2011;

Biber et al., 1999; Martinez, 2011; Vassileva, 2001]. Не оспаривая обоснованность выделения данных черт, отметим их универсальный и мета-профессиональный характер, а также возможную специфику дискурсивной реализации в зависимости от научной дисциплины. Медицинская наука является одной из таких дисциплин, а медицинский академический дискурс представляет обширный практический материал для исследования предполагаемой специфики.

Обзор литературы в области прикладной лингвистики, ESP и EAP в сфере медицинских исследований [Gillett, Hammond, Martala-Lockett, 2009; Mićić, 2013; Parkinson, 2000] дает возможность выделить следующие черты академического медицинского текста:

- 1) номинализация;
- 2) технические фразы (медицинский жаргон);
- 3) распространенные номинативные группы / устойчивые словосочетания;
- 4) «предположительный, осторожный» язык (tentative language) / «хеджирование» (уклончивость или отсутствие категоричности при выражении суждений);
- 5) использование каузативных и аргументативных (causative and reasoning verbs) глаголов;
- 6) обезличенность и пассивизация (impersonal language and passivisation).

Этот краткий перечень позволяет заметить, что само выделение и обоснование типичных характеристик академического английского может представлять определенные сложности в силу разнородности и разноуровневости реализующих их языковых средств. Большинство характеристик следует рассматривать как комплексные дискурсивные феномены, которые могут быть подвержены дисциплинарной или предметной вариативности [Nyland, Hamp-Lyons, 2002], национально-культурной адаптации [Стеблецова, 2016], различной когнитивной интерпретации и естественно-му процессу развития узуса научного текста.

Настоящее исследование посвящено сложному феномену академического английского – формальности. На наш взгляд, это одна из основных его стилиобразующих характеристик, которую следует рассматривать не только как маркер принадлежности к формальному регистру речи или тональности дискурса, но и как комплексную лингвостилисти-

ческую характеристику, реализующуюся посредством лексико-семантических, грамматических, синтаксических и стилистических средств. Хотя проблема формальности как сложной категории научного стиля речи затрагивалась в отдельных исследованиях [Поспелова, 2012; Fryer, 2012; Mendis, 2010], она далека от полного освещения в аспектах дисциплинарной вариативности и способов реализации формальности в современном академическом дискурсе. Таким образом, цель работы – выявить особенности реализации академической формальности в медицинском научном дискурсе. В качестве эмпирического материала избраны научные публикации в жанре исследовательской статьи (research article). Достижение поставленной цели потребовало от авторов решения следующих задач:

- предложить собственную трактовку формальности, установить ее роль и место в жанре научной медицинской статьи;
- выявить языковые и дискурсивные средства реализации формальности в корпусе научных медицинских статей;
- описать современное состояние и особенности реализации формальности с позиций предметной вариативности (медицинский научный дискурс).

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили оригинальные полнотекстовые научные статьи (research articles) на английском языке, общим количеством 15 единиц (64 542 слова, 2 395 предложений), опубликованные в 2019 г. в медицинском журнале «European Journal of Epidemiology» издательства «Elsevier». Импакт-фактор журнала – 7,023. Включение статей в исследовательский корпус осуществлялось в соответствии со следующими критериями:

- статьи находятся в открытом доступе;
- тематика статей не узкоотраслевая в силу междисциплинарного характера журнала (рубрики журнала Diabetes Mellitus, Cancer, Cardiovascular Diseases, Methods, Perinatal Epidemiology, New Study);
- статьи оформлены по единым содержательно-структурным параметрам Introduction / Methods / Results and Discussion (IMRaD);

– статьи имеют аннотации (abstract), которые также были включены в исследовательский корпус;

– авторы статей: native speakers (NS) – носители английского языка как родного и non-native speakers (NNS) – носители английского языка как иностранного.

Критерий авторства статей представляется одним из наиболее сложных и неоднозначных для описания и четкого маркирования, поскольку ни фамилия, ни институциональная принадлежность автора не являются абсолютно надежным показателем для отнесения его в категорию NS или NNS. Тем не менее многонациональные и достаточно многочисленные авторские коллективы – это одна из типичных характеристик научной медицинской статьи, обусловленная глобальным и командным характером современной медицинской науки. Осознавая некоторую условность определения автора как NS или NNS, мы все же использовали для данной категоризации институциональный статус авторов в англоговорящих странах (Великобритания, США, Канада, Австралия и др.) и в первую очередь автора для контактов с редакцией (corresponding author).

Тексты статей и аннотаций исследовались и интерпретировались с помощью дескриптивного лингвистического анализа. Заголовки, подзаголовки, оглавление, подписи к таблицам, рисункам и диаграммам были исключены из материала. В целях количественной обработки данных и для статистического анализа текста использовалась программа Compleat Lexical Tutor v.8.3.

Основными параметрами количественного и качественного анализа стали следующие: коэффициент лексического разнообразия и лексическая плотность текстов; лексический состав исследуемого материала, в том числе номинативные (именные) группы, терминологические единицы, включая аббревиатуры и акронимы; лингвостилистические повторы; безличные конструкции и страдательный залог.

Результаты и обсуждение

Формальность академического английского, или академическая формальность, – уни-

версальное свойство научного дискурса, которое во многом является ключевым маркером, определяющим принадлежность того или иного текста к академическому дискурсу. Попытка предложить собственное понимание формальности обусловлена отсутствием точной дефиниции этого явления в силу его сложности и неоднозначности. Дифференциальный потенциал академической формальности (то есть способности маркировать текст как принадлежащий или не принадлежащий к академическому дискурсу) можно представить в виде набора компонентов, использующихся или не использующихся в письменном научном медицинском дискурсе. В качестве иллюстрации приведем некоторые из них.

Так, в академическом медицинском тексте нормативно **используются**:

– лексические единицы, включая термины, стилистически маркированные как научные, специальные, формальные (formal vocabulary);

– отглагольные существительные для более компактного представления действительности;

– многочленные словосочетания с главным существительным (noun groups), распространенными определенными синтаксическими способами;

– рационально-объективные языковые средства выражения собственных суждений (objective language).

В академическом медицинском тексте обычно **не используются**:

– разговорные лексические единицы, включая фразовые глаголы;

– отрицательные синтаксические конструкции, в том числе конструкции со вспомогательными и модальными глаголами с отрицательной частицей *not*;

– вопросительные и отрицательные предложения;

– эмоционально-оценочные языковые средства (subjective language).

Этот неполный перечень компонентов позволяет сделать вывод о том, что формальность – сложный многоаспектный феномен, реализующийся с помощью разнообразных языковых средств, сочетание которых маркирует текст как принадлежащий к академическому дискурсу. Очевидна необходимость детального исследования компонентов академи-

ческой формальности, предварительные результаты которого представлены ниже.

Лексические средства реализации формальности. Лексический уровень текста описывается нами с применением параметров «лексическое разнообразие» и «лексическая плотность». Вслед за В. Йоханссоном, лексическое разнообразие можно определить как измерение количества разных слов (из разных word families), используемых в тексте, а лексическую плотность – как процент значимых лексических единиц в тексте (существительных, глаголов, прилагательных и некоторых наречий): «Lexical diversity is a measure of how many different words that are used in a text, while lexical density provides a measure of the proportion of lexical items (i.e. nouns, verbs, adjectives and some adverbs) in the text» [Johansson, 2008, p. 61]. Оба параметра

являются критериями определения формальности академического английского.

Количественный анализ текстов обнаруживает, что коэффициент лексического разнообразия текстов невысок и составляет 0,22–0,27 (табл. 1). Это обусловлено частой повторяемостью этимологически родственных лексем.

Показатели лексической плотности свидетельствуют о лексической насыщенности исследуемых текстов: более 2/3 их объема занимают самостоятельные части речи. Значимой при анализе текстов, на наш взгляд, является параметр «лексический охват» (coverage) – процентное содержание слов, характеризующих «понятность» текста для читателя (подробно об этой характеристике см.: [Batia, 1989; Nation, 2006]). Полученные нами

Таблица 1

**Лексические и грамматические параметры исследуемого корпуса:
статистический анализ**

№ статьи	Кол-во слов / знаков	Кол-во разных слов (типы)	Коэффициент лингвистического разнообразия	Лексическая плотность	Кол-во предложений / из них в пассивном залоге (%)	Кол-во лексем off-list (не включены ни в GWL, ни в AWL)	Лексический охват (95%)
I	6 856/ 47 872	1 705	0,25	0,70 (content [4 800] / total [6 856])	294/177 (60,2 %)	136 (1,98 %) (<i>aliquoted, assistive, baseline, illumine, innotest, lifetime, preclinical, spirometer, subsample</i>)	K6 frequency level
II	5 730/ 37 317	948	0,17	0,69 (content [3 948] / total [5 730])	220/109 (49,55 %)	188 (3,28 %) (<i>multivariable, baseline, subcohort, nonconsumers, postmenopausal, quintiles, hemeiron, nonlinearity, endpoints, lifestyle</i>)	K7 frequency level
III	5 321/ 33 107	981	0,18	0,69 (content [3 660] / total [5 321])	167/69 (41,32 %)	124 (2,33 %) (<i>capstone, myocarditis, pathway, rapeseed, worldwide, cofounders, healthcare, seafood, endpoint</i>)	K5 frequency level
IV	5 206/ 32 184	872	0,17	0,67 (content [3 501] / total [5 206])	151/80 (52,98 %)	285 (5,47 %) (<i>univariable, confounders, haematopoietic, multiplicative, premenopausal, studentised, genotyped, pathway pleiotropy, pleiotropic</i>)	Не определяется программой после K-25 frequency level
V	4 990/ 32 879	1065	0,21	0,69 (content [3 442] / total [4 990])	180/81 (45 %)	238 (4,77 %) (<i>adiponectin, electrochemiluminescence, glycosylphosphatidylinositol, pathways, normoglycemic, prediabetic, apolipoproteins, isoform, normoglycemia, subcohort</i>)	K-16 frequency level

Окончание таблицы 1

№ статьи	Кол-во слов / знаков	Кол-во разных слов (типы)	Коэффициент лингвистического разнообразия	Лексическая плотность	Кол-во предложений / из них в пассивном залоге (%)	Кол-во лексем off-list (не включены ни в GWL, ни в AWL)	Лексический охват (95%)
VI	4 808/ 30 541	1110	0,23	0,68 (content [3 291] / total [4 808])	193/111 (57,52 %)	289 (6,01 %) (<i>baseline, subcohorts, cholecalciferol, collinearity, heteroscedasticity, hydroxyvitamin, metformin, sulphonylurea, wavelength, calcitriol, invasively, lifestyle, pathway, phenotyped, confounders, dataset, glycation, subcohort, autofluorescence</i>)	Не определяется программой после K-25 frequency level
VII	4 346/ 28 939	733	0,16	0,65 (content [2 926] / total [4 499])	194/86 (44,33 %)	164 (3,65 %) (<i>multivariable, postmenopausal, ovulatory, salpingectomy, gynecological, nulliparity, oophorectomy, parous</i>)	K-11 frequency level
VIII	4 062/ 24 798	807	0,20	0,64 (content [2 580] / total [4 062])	126/46 (36,5 %)	120 (2,95 %) (<i>lifestyle, modifiable, dyslipidemia, nonlinearity, misclassification</i>)	K7 frequency level
IX	4 003/ 26 007	851	0,21	0,66 (content [2 641] / total [4 003])	146/72 (49,32 %)	66 (1,65 %) (<i>confounders, endpoint</i>)	K-3 frequency level
X	3 908/ 26 016	921	0,24	0,72 content [2803] / total [3908])	140/62 (44,3 %)	310 (7,9 %) (<i>transcytosis, epicrea, genotyped, genotyping, underdiagnosis, apolipoproteins, clathrin-mediated etc.</i>)	Не определяется программой после K-20 frequency level
XI	3 891/ 25 501	829	0,21	0,68 (content [2 633] / total [3 891])	143/30 (20,98 %)	64 (1,64 %) (<i>anonymized, generalizability, dataset, healthcare</i>)	K4 frequency level
XII	3 521/ 22 744	758	0,22	0,66 (content [2 318] / total [3 521])	128/29 (22,7 %)	151/4,28 % (<i>healthcare, datasets, generalizability, lifestyle, misclassified, neuroimaging etc</i>)	K-7 frequency level
XIII	3 423/ 21 382	782	0,23	0,66 (content [2 270] / total [3 423])	127/42 (33,07 %)	60 (1,75 %) (<i>newborn, singleton, confounders, (+abbreviations)</i>)	K6 frequency level
XIV	2 869/ 17 931	700	0,24	0,61 (content [1 752] / total [2 869])	116/60 (51,7 %)	113 (3,94 %) (<i>confounder, granulocyte, pathway, multivariable, leukocyte, baseline</i>)	K-8 frequency level
XV	1 800/ 12 207	528	0,28	0,70 (content [1 306] / total [1 872])	70/29 (41,43 %)	52 (2,78 %) (<i>arrhythmias, baseline, quintiles, endpoints</i>)	K-8 frequency level

данные отражают сложность текстов для их восприятия читателем. Уровень «понятности» текста начинается с *K-7 frequency level*. Это означает, что читателю необходимо знать 7 000 слов, чтобы понимать содержание текста на 60 %. В одном случае программа Compleat Lexical Tutor v.8.3 не указывает

параметр «лексический охват» даже после *K-25 frequency level* (см. табл. 1).

При количественном анализе все лексические единицы текста сопоставлялись с General Word List и Academic Word List. The General Word List (GWL), или The General Service List (GSL), – это список, состоящий

примерно из 2 000 слов, опубликованный в [West, 1953]. Он включает наиболее часто встречающиеся слова из корпуса письменного английского языка. Этот список имеет два основных обновления GSL [Brezina, Gablasova, 2015; Browne, 2013]. The Academic Word List (AWL) был разработан Averil Coxhead. Он содержит 570 групп этимологически родственных слов, которые часто встречаются в академических текстах и не включены в список наиболее часто употребляющихся 2 000 слов английского языка [Coxhead, 2000].

Сравнение показало, что каждый текст содержит 1,64–7,9 % слов, не включенных ни в один из указанных выше списков, то есть *off-list words* (см. табл. 1). Это объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, слова *off-list* могут быть узкоотраслевыми терминами (например, *transcytosis*, *epicrea*, *salpingectomy* и др.). Во-вторых, они могут быть в пограничной зоне между общеупотребительной и профессиональной лексикой (*healthcare*, *lifestyle*, *endpoint*). В-третьих, такие лексемы могут быть примером авторского словообразования (*generalizability*, *studentised*, *subsample*).

Отметим, что в список *off-list*, наряду с узкоспециальными лексическими единицами *genotyping*, *apolipoproteins*, попали такие лексические единицы, как *pathway*, *lifestyle*, *healthcare*, *datasets*, *clathrinmediated* и др., входящие в *GWL* или *AWL*. В этом случае мы наблюдаем орфографическое изменение (опущение дефиса), приводящее к возникновению сложной словоформы, еще не зарегистрированной данной компьютерной программой.

Являясь комплексной стилеобразующей характеристикой, академическая формальность реализуется разноуровневыми средствами, среди которых выделяются:

– отглагольные существительные:

(1) **The association** between the NLR and time to all-cause mortality was assessed (XIV);

– номинативные (именные) группы, например высказывание, в котором длина группы составляет 10 лексем:

(2) The ongoing Cognitive Function and Ageing II Dementia Diagnosis Study (XII);

– аббревиатуры и акронимы терминологического характера, например: *DLB* (*dementia with Lewy Bodies*), *EMR* (*electronic medical record*), *GOLD* (*Global Initiative for Chronic Obstructive Lung Disease*).

Каждое из вышеперечисленных средств заслуживает отдельного изучения, так как при той фундаментальной роли, которую отглагольные существительные, номинативные группы, терминологические единицы играют в создании академической формальности, механизмы их действия еще далеки от полного понимания. В ходе решения задач данного исследования мы отметили, что современная практика академического английского демонстрирует случаи ненормативной реализации формальности. В частности, в статье (VI) был нарушен традиционный порядок использования и оформления терминологических аббревиатур, а именно полный термин, за которым в скобках следует аббревиатура. Авторы с языковым статусом *NNS* последовательно употребляли в тексте сначала аббревиатуру термина, а затем его полную форму:

(3) *PICALM* (phosphate idylinositolbinding clathrin assembly protein), *BIN1* (bridging integrator 1), *CD2AP* (CD2-associated protein), *RIN3* (Ras and Rab interactor 3), *APOE* (apolipoprotein E gene), *LRP1* (low-density lipoprotein, receptor related protein-1) (X).

Примером новых тенденций в реализации академической формальности служит и публикация (X) авторов с языковым статусом *NNS*, которые представили список использованных аббревиатур с расшифровкой в начале статьи после ключевых слов и далее по тексту применяли только сокращения:

(4) Abbreviations

AGEs - Advanced glycation end products

SAF - Skin autofluorescence

25(OH)D₃ - 25-hydroxyvitamin D₃

RS - Rotterdam Study

eGFR - Estimated glomerular filtration rate (VI).

Грамматические средства реализации формальности. Одним из наиболее распространенных грамматических средств, реализующих академическую формальность в английском научном дискурсе, традиционно считаются синтаксические конструкции страдательного залога (*Passive Voice*) [Tarone et al.,

1998; Rundblad, 2007]. Данные исследуемого корпуса подтверждают это и демонстрируют распространенность страдательного залога в медицинских научных статьях: предложения с ним составили от 20,98 до 60,2 % всех предложений в анализируемых текстах (см. табл. 1).

Широко употребительным грамматическим средством реализации формальности в академическом английском являются также безличные конструкции. Данные корпуса свидетельствуют об активности использования таких предложений авторами обоих языковых статусов (NS и NNS). Ниже предлагаем примеры, в которых безличные конструкции являются вводными по отношению ко второму придаточному в сложносочиненном предложении и выполняют дискурсивную функцию хеджирования, то есть снижения категоричности авторского суждения.

(5) It has not been possible to determine whether this association is causal and to dissect whether it is birth weight per se or an external factor influencing (IV);

(6) It is important to note that invisible unemployment could occur (e g if an unemployed individual is not in receipt of any social transfer benefit) (XII);

(7) It is likely that both exposure and endpoint are associated with other physical, social, and behavioural risk factors not included in the analyses, such as impulsivity, lower cognitive ability, or socioeconomic disadvantages occurring early in life or genes (XII);

(8) It is therefore possible that the NLCS has detected associations with nitrite because high levels were used in the past (II).

Наряду с нормативным употреблением страдательного залога наблюдается новая тенденция академического английского, связанная с активной декларацией авторского «я», что несколько противоречит нормативной категории объективности, сдержанности и обезличенности академического стиля. Такие примеры были зафиксированы у авторов обоих языковых статусов – NS и NNS. Использование синтаксических конструкций с активным агентом в форме 1-го л. мн. ч. отмечено, например, в следующих фрагментах:

(9) Therefore, **we have emphasized** throughout that the diagnostic uncertainty should be considered when interpreting the results for vascular dementia.

Consequently, **we named** this subtype “suggested vascular dementia” throughout the paper... Hence, **we cannot exclude** that some of the participants receiving a dementia diagnosis during our follow-up time already have dementia pathology at baseline (XII);

(10) **We could also evaluate** blood pressure, heart rate, electrolytes, and measures of kidney function, liver function, glucose metabolism and inflammation. **We found** no significant variation across weighted/simple allele score groups, suggesting that this molecular pathway may be safe to target therapeutically (VIII);

(11) **We also performed** a traditional proportional hazard regression, the results of which can be interpreted as the averaged risks over time... (XIV).

Нами был проведен сравнительный анализ для выявления частотности употребления местоимений 1-го л. у авторов NS и NNS. Полная статистическая информация по частотности употребления личных местоимений в исследовательском корпусе представлена в таблице 2.

Результаты свидетельствуют о том, что активное декларирование авторской позиции посредством местоимений 1-го л. более частотно в текстах авторов NS. В частности, самый высокий суммарный показатель употребления *we / our* – 54 / 32 единицы соответственно (2,2 % от общего количества слов) был зафиксирован в статье (I), имеющей авторский статус NS. Самый высокий суммарный показатель у авторов со статусом NNS, зафиксированный в статье (X), составил 21 / 22 случая употребления *we / our* соответственно (0,86 % от общего количества слов).

Стилистические средства реализации формальности. Частотным стилистическим средством актуализации формальности является повтор. В исследовательском корпусе выявлены следующие типы повторов: – лексический:

(12) Weight and height **were measured** with light clothes and without shoes, and the body mass index (BMI, kg/m²) was calculated. Waist circumference (cm) **was measured** midway between the 12th rib and the iliac crest. Systemic systolic (SBP) and diastolic (DBP) blood pressure **were measured** after 5 min resting; three **measurements** were taken, and the average of the second and third **measurements** was recorded and used in the analyses (IX) (в приведенном контексте из 70 слов 5 слов (7 %) являются однокорневыми);

Употребление местоимений 1-го л. *we / our* в статьях корпуса

№ статьи	Языковой статус авторов	Кол-во слов, всего	Количество слов, обозначающих 1-е л. (<i>we/our</i> /суммарный % от общего количества слов в тексте)
I	Nativespeakers, медицинские университеты Великобритании, Швеции	6 856	7/5/0,18 %
II	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Нидерландов	5 730	4/1/0,09 %
III	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Германии, Австрии, США	5 321	21/7/0,53 %
IV	Nativespeakers, медицинские университеты Великобритании, Канады, Германии, Испании, США, Австралии, Сингапура, Швеции, Бельгии, Италии	5 206	3/2/0,096 %
V	Non-Nativespeakers , медицинские университеты Германии	4 990	21/22/0,86 %
VI	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Нидерландов	4 808	11/8/0,40 %
VII	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Швеции и Норвегии	4 346	22/10/0,74 %
VIII	Nativespeakers, медицинские университеты Великобритании, Норвегии	4 062	1/2/0,07 %
IX	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Дании	4 003	16/2/0,45 %
X	Nativespeakers , медицинские университеты Великобритании	3 908	54/32/2,2 %
XI	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Дании	3 891	13/6/0,50 %
XII	Nativespeakers, медицинские университеты Великобритании, Австралии, США, Швеции, Израиля, Финляндии, Дании	3 521	21/2/0,67 %
XIII	Nativespeakers, медицинские университеты Великобритании	3 423	16/3/0,56 %
XIV	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Нидерландов	2 869	16/3/0,66 %
XV	Nativespeakers , медицинские университеты Великобритании, Австралии	1 800	12/12/1,33 %

– синтаксический (повтор сходных синтаксических групп):

(13) For all-cause dementia, Alzheimer's disease and vascular dementia, we calculated the PPV for each dataset separately, and for all three combined.

For all-cause dementia, true positive cases were those where the adjudicator recorded dementia as being present, with or without meeting diagnostic criteria.

For dementia subtypes, cases were true positives if the adjudicator indicated that a particular subtype diagnosis could be made, with or without meeting the particular diagnostic criteria (XII);

– лексико-синтаксический (смешанный):

(14) For all-cause dementia, PPVs were 86.8 % (95% CI 78.8–92.6), 87.3 % (75.5–94.7) and 80.0 % (44.4–97.5) in primary care, hospital admissions and mortality data respectively. PPVs were 84.5% (72.6–92.7) for hospital admissions and mortality data in combination, and 82.5% (74.5–88.8) across all datasets (Fig. 4). For subtype codes to identify those specific subtypes (e.g., Alzheimer's disease codes identifying participants with Alzheimer's disease), PPVs for all datasets combined were 71.4% (58.7–82.1) for Alzheimer's disease and 43.8% (19.8–70.1) for vascular dementia (XII).

Типичные и частотные случаи лексических, синтаксических и смешанных повторов в медицинских научных статьях позволяют ин-

терпретировать их как нормативное средство реализации академической формальности. Если повторяемость употребления терминов неизбежна и обусловлена требованием ясности и последовательности научной речи, то повторы однокорневых лексем или использование параллельных синтаксических конструкций являются осознанным выбором автора по созданию максимально удобного для восприятия текста и однозначной интерпретации научных результатов.

Выводы

Проведенный анализ позволил сделать следующие заключения. Изучение академического английского может осуществляться с позиций лингвостилистического и дискурсивного подходов к анализу текста с привлечением приемов дескриптивного анализа, а также статистических методов исследования.

Формальность академического английского, или академическая формальность, является стилеобразующей характеристикой научного медицинского дискурса. Ее дискурсивная реализация происходит во многих аспектах текста и дискурса с привлечением разноуровневых языковых средств.

В исследовании на материале оригинальных медицинских научных статей проанализированы отдельные параметры – средства реализации академической формальности: лексические, грамматические и стилистические. В аспекте лексической реализации формальности был выявлен относительно невысокий коэффициент лексического разнообразия – 0,22–0,27, что свидетельствует о стандартизованности и сложности академического английского.

Лексическая плотность исследуемого корпуса достаточно высока: более 2/3 объема текста занимают самостоятельные части речи. Такая лексическая насыщенность научного медицинского текста достигается за счет доминирующего использования номинативных групп, отглагольных существительных, а также широкого употребления аббревиатур и акронимов терминологического характера.

В аспекте грамматической реализации формальности полученные данные продемонстрировали стабильно высокое исполь-

зование страдательного залога и безличных конструкций.

Стилистическим средством реализации формальности являются повторы, которые зафиксированы на лексическом уровне, – частотное употребление одинаковых или однокорневых лексем; на синтаксическом уровне – использование параллельных синтаксических конструкций. Кроме того, обнаруживается их одновременное использование.

На современном этапе развития академического дискурса формальность академического английского находится в процессе изменений и трансформаций. Нами была выявлена тенденция к более частому использованию местоимений 1-го л. для активного выражения авторской позиции и появлению новых «авторских» лексем, полученных в результате словообразовательных приемов, отмечен отход от традиционных норм оформления терминологических аббревиатур. Эти явления могут отражать стремления участников дискурса к упрощению академического английского и персонификации авторского стиля. Приведенные в статье наблюдения требуют дальнейшего подтверждения, что будет целью последующих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М., 1979. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 424 с.
- Виноградов В. В., 1981. Проблемы русской стилистики. М.: Высш. шк. 320 с.
- Кожина М. Н., 2006. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука. С. 242–248.
- Колесникова Н. И., 2010. Что важно знать о языке и стиле научных текстов (Статья 1) // Высшее образование в России. № 3. С. 130–137.
- Поспелова Г. Б., 2012. Характеристики научного стиля в английском языке // Иностранные языки: теория и практика. № 2 (15). С. 8–14.
- Самарская С. В., 2018. Языковая реализация специфических черт научного стиля в английской письменной речи // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 3 (31). С. 163–169. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-3(31)-163-169.
- Стеблецова А. О., 2016. Национальный дискурсивный стиль: англоязычный и русскоязычный деловые дискурсы // Вестник Волгоградского

- государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4. С. 76–86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.8>.
- Стеблецова А. О., Варнавская Е. В., 2018. От лечца до врача: лингвистическая эволюция взаимоотношений врача и общества // Прикладные информационные аспекты медицины. Т. 21, № 1. С. 244–256.
- Стеблецова А. О., 2018. Речевое воздействие в медицинском дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 2. С. 49–51.
- Чернявская В. Е., 2006. Интерпретация научного текста. М.: КомКнига. 128 с.
- Author and reviewer tutorials “Writing in English”. URL: <https://www.springer.com/gp/authors-editors/authorandreviewertutorials/writinginenglish> (date of access: 22.05.2019).
- Batia L., 1989. What percentage of text lexis is necessary for comprehension? // *Special Language: from humans thinking to thinking machines* / ed. by Ch. Lauren, M. Nordman. L.: Multilingual Matters. P. 316–323.
- Bhatia V. K., 2002. Applied genre analysis: a multiperspective model // *Iberica*. Vol. 4. P. 3–19.
- Biber D., Gray B., 2010. Challenging stereotypes about academic writing: Complexity, elaboration, explicitness // *Journal of English for Academic Purposes*. Vol. 9, № 1. P. 2–20.
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., 1999. *Longman grammar of spoken and written English*. Harlow; England: Longman Pearson Education. 1204 p.
- Brezina V., Gablasova D., 2015. Is There a Core General Vocabulary? Introducing the New General Service List // *Applied Linguistics*. Vol. 36, iss. 1. P. 1–22. URL: <http://apllj.oxfordjournals.org/content/early/2013/08/25/applin.amt018.abstract> (date of access: 22.05.2019).
- Browne Ch., 2013. The New General Service List: Celebrating 60 years of Vocabulary Learning // *The Language Teacher*. Vol. 37, № 4. P. 13–15.
- Coxhead A., 2000. A New Academic Word List // *TESOL Quarterly*. Vol. 34, № 2. P. 213–238.
- Crompton P., 1997. Hedging in Academic writing: some theoretical problems // *English for Specific Purposes*. Vol. 16, № 4. P. 271–287.
- De Chazal E., 2014. *English for academic purposes*. Oxford: Oxford University Press. 610 p.
- Devitt A. J., 2015. Genre performances: John Swales’ Genre Analysis and rhetorical-linguistic genre studies // *Journal of English for Academic Purposes*. Vol. 19. P. 44–51.
- Fryer D. L., 2012. Analysis of the generic discourse features of the English-language medical research article: A systemic functional approach // *Functions in Language*. Vol. 19, iss. 1. P. 5–37. DOI: 10.1075/fo19.1.01fry.
- Gillett A., Hammond A., Martala-Lockett M., 2009. *Successful Academic Writing. Inside track*. Harlow: Pearson Education. 334 p.
- Gray B., Cortes V., 2011. Perception vs. evidence: An analysis of *this* and *these* in academic prose // *English for Specific Purposes*. Vol. 30, iss. 1. P. 31–43.
- Guide for authors. Author information pack. URL: <https://www.elsevier.com/journals/human-immunology/0198-8859/guide-for-authors> (date of access: 22.05.2019).
- Hamp-Lyons L., 2011. English for academic purposes: 2011 and beyond // *Journal of English for Academic Purposes*. Vol. 10, iss. 1. P. 2–4. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2011.01.001>.
- Henrik R. W., 2004. The language of medicine // *Journal of the Royal Society of Medicine*. Vol. 97, iss. 4. P. 187–188.
- Hyland K., Hamp-Lyons L., 2002. EAP: issues and directions // *Journal of English for Academic Purposes*. Vol. 1, iss. 1. P. 1–12.
- Johansson V., 2008. Lexical diversity and lexical density in speech and writing: a developmental perspective // *Lund University, Dept. of Linguistics and Phonetics. Working Papers*. Vol. 53. P. 61–79.
- Johns A. M., 1997. *Text, role and context: Developing academic literacies*. Cambridge: Cambridge University Press. 171 p.
- Martinez I. A., 2011. Impersonality in the research article as revealed by analysis of the transitivity structure // *English for Specific Purposes*. Vol. 20, № 3. P. 227–247.
- Mendis D., 2010. Formality in academic writing: The use / non-use of phrasal verbs in two varieties of English // *English for Professional and Academic Purposes*. Amsterdam: Rodopi. P. 11–24.
- Mičić S., 2013. Languages of medicine – present and future // *JAHHR*. Vol. 4, № 7. P. 217–233.
- Nation I. S. P., 2006. How large a vocabulary is needed for reading and listening? // *Canadian Modern Language Review*. Vol. 63, iss. 1. P. 59–82.
- Parkinson J., 2000. Acquiring scientific literacy through content and genre: a theme-based language course for science students // *English for Specific Purposes*. Vol. 19, iss. 4. P. 369–387.
- Rundblad G., 2007. Impersonal, General and Social: The use of metonymy versus passive voice in medical discourse // *Written communication*. Vol. 24, iss. 3. P. 250–277.
- Stebletsova A. O., Torubarova I. I., 2017. Empathy Development Through ESP: A Pilot Study // *Journal of Educational, Cultural and Psychological Studies*. Vol. 16. P. 237–249.

- Swales J. M., 1988. Discourse communities, genres and English as an international language // *World Englishes*. Vol. 7, № 2. P. 211–220.
- Swales J. M., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge : Cambridge University Press. 262 p.
- Tarone E., Dwyer Sh., Gillette S., Icke V., 1998. On the use of the passive and active voice in astrophysics journal papers: With extensions to other languages and other fields // *English for Specific Purposes*. Vol. 17, iss. 1. P. 113–132. DOI: 10.1016/S0889-4906(97)00032-X.
- Vassileva I., 2001. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing // *English for Specific Purposes*. Vol. 20, iss. 1. P. 83–102.
- Weideman A., 2018. Academic literacy: Why is it important // *Academic literacy: Five new tests*. Bloemfontein : Geronimo Distribution (Pty) Ltd. P. ii–ix.
- West M., 1953. *A General Service List of English Words*. L. : Longman, Green and Co. 601 p.
- Yoneoka D., Ota E., 2017. Evaluating association between linguistic characteristics of abstracts and risk of bias: Case of Japanese randomized controlled trials // *PLOS ONE*. Vol. 12, iss. 3. P. 1–10. DOI: 10.1371/journal.pone.0173526.
- ИСТОЧНИКИ**
- I* – Rydberg Sterner T., Ahlner F., Blennow K., Dahlin-Ivanoff S., Falk H., Havstam Johansson L., Hoff M., Holm M., Hörder H., Jacobsson T., Johansson B., Johansson L., Kern J., Kern S., Machado A., Mellqvist Fässberg M., Nilsson J., Ribbe M., Rothenberg E., Rydén L., Sadeghi A., Sacuiu S., Samuelsson J., Sigström R., Skoog J., Thorvaldsson V., Waern M., Westman E., Wetterberg H., Zetterberg H., Zetterberg M., Zettergren A., Östling S., Skoog I. The Gothenburg H70 Birth cohort study 2014–16: design, methods and study population // *Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 2. P. 191–209. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0459-8>.
- II* – Brandt P. A. van den. Red meat, processed meat, and other dietary protein sources and risk of overall and cause-specific mortality in The Netherlands Cohort Study // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 4. P. 351–369. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00483-9>.
- III* – Meier T, Gräfe K, Senn F., Sur P., Stangl G. I., Dawczynski C., März W., Kleber M. E., Lorkowski S. Cardiovascular mortality attributable to dietary risk factors in 51 countries in the WHO European Region from 1990 to 2016: a systematic analysis of the Global Burden of Disease Study // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 1. P. 37–55. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0473-x>.
- IV* – Kar S. P., Andrulis I. L., Brenner H., Burgess S., Chang-Claude J., Considine D., Dörk T., Evans D. G. R., Gago-Domínguez M., Giles G. G., Hartman M., Huo D., Kaaks R., Li J., Lophatananon A., Margolin S., Milne R. L., Muir K. R., Olsson H., Punie K., Radice P., Simard J., Tamimi R. M., Nieuwenhuysen E. van, Wendt C., Zheng W., Pharoah P. D. P. The association between weight at birth and breast cancer risk revisited using Mendelian randomisation // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 6. P. 591–600. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00485-7>.
- V* – Huth C., Toerne C. von, Schederecker F., Heras Gala T. de las, Herder C., Kronenberg F., Meisinger C., Rathmann W., Koenig W., Waldenberger M., Roden M., Peters A., Hauck S. M., Thorand B. Protein markers and risk of type 2 diabetes and prediabetes: a targeted proteomics approach in the KORA F4/FF4 study // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 4. P. 409–422. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0475-8>.
- VI* – Chen J., Duin D. van der, Campos-Obando N., Arfan Ikram M., Nijsten Tamar E. C., Uitterlinden A. G., Zillikens M. C. Serum 25-hydroxyvitamin D3 is associated with advanced glycation end products (AGEs) measured as skin autofluorescence: The Rotterdam Study // *European Journal Epidemiology*. Vol. 34, iss. 1. P. 67–77. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0444-2>.
- VII* – Lundberg F. E., Iliadou A. N., Rodriguez-Wallberg K., Gemzell-Danielsson K., Johansson A. L. V. The risk of breast and gynecological cancer in women with a diagnosis of infertility: a nationwide population-based study // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 5. P. 499–507. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0474-9>.
- VIII* – Kobeissi E., Hibino M., Pan H., Aune D. Blood pressure, hypertension and the risk of abdominal aortic aneurysms: a systematic review and meta-analysis of cohort studies // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 6. P. 547–555. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00510-9>.
- IX* – Jørgensen M. B., Pedersen J., Thygesen L. C., Lau C. J., Christensen Illemann A., Becker U., Tolstrup J. S. Alcohol consumption and labour market participation: a prospective cohort study of transitions between work, unemployment, sickness absence, and social benefits // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 4. P. 397–407. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0476-7>.

- X – Rasmussen I. J., Tybjaerg-Hansen A., Rasmussen K. L., Nordestgaard B. G., Frikke-Schmidt R. Blood-brain barrier transcytosis genes, risk of dementia and stroke: a prospective cohort study of 74,754 individuals // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 6. P. 579–590. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00498-2>.
- XI – Sommerlad A., Perera G., Mueller C., Singh-Manoux A., Lewis G., Stewart R., Livingston G. Hospitalisation of people with dementia: evidence from English electronic health records from 2008 to 2016 // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 6. P. 567–577. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00481-x>.
- XII – Wilkinson T., Schnier C., Bush K., Rannikmäe K., Henshall D. E., Lerpiniere C., Allen N. E., Flaig R., Russ T. C., Bathgate D., Pal S., O'Brien J. T., Sudlow C. L. M. Identifying dementia outcomes in UK Biobank: a validation study of primary care, hospital admissions and mortality data // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 6. P. 557–565. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00499-1>.
- XIII – Modabbernia A., Sandin S., Gross R., Leonard H., Gissler M., Parner E. T., Francis R., Carter K., Bresnahan M., Schendel D., Hornig M., Reichenberg A. Apgar score and risk of autism // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 2. P. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0445-1>.
- XIV – Fest J., Ruiter T. R., Groot Koerkamp B., Rizopoulos D., Arfan Ikram M., Eijck C. H. J. van, Stricker B. H. The neutrophil-to-lymphocyte ratio is associated with mortality in the general population: The Rotterdam Study // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 5. P. 463–470. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0472-y>.
- XV – Hamer M., O'Donovan G., Stamatakis E. Association between physical activity and subtypes of cardiovascular disease death causes in a general population cohort // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 5. P. 483–487. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0460-2>.
- russskogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 242-248.
- Kolesnikova N.I., 2010. Chto vazhno znat o yazyke i stile nauchnykh tekstov (Statya 1) [What Is Important to Know About the Language and Style of Academic Texts]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], no. 3, pp. 130-137.
- Pospelova G.B., 2012. Kharakteristiki nauchnogo stilya v angliyskom yazyke [Features of the Academic Style in English]. *Inostrannyye yazyki: teoriya i praktika*, no. 2 (15), pp. 8-14.
- Samarskaya S.V., 2018. Yazykovaya realizatsiya spetsificheskikh chert nauchnogo stilya v angliyskoy pismennoy rechi [Linguistic Realization of Specific of the Scientific Style in English Writing Speech]. *Aktualnye problem filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 3 (31), pp. 163-169. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-3(31)-163-169.
- Stebletsova B.O., 2016. Natsionalnyy diskursivnyy stil: angloyazychnyy i russkoyazychnyy delovye diskursy [National Discourse Style: English and Russian Business Discourses]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 76-86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.8>
- Stebletsova A.O., Varnavskaya E.V., 2018. Ot lechtsa do vracha: lingvoistoricheskaya evolyutsiya vzaimootnosheniy vracha i obshchestva [From Lechtz to Doctor: Linguistic and Historical Evolution of Doctor-Public Relationship]. *Prikladnye informatsionnye aspekty meditsyny* [Applied and IT Research in Medicine], vol. 21, no. 1, pp. 244-256.
- Stebletsova A.O., 2018. Rechevoe vozdeystvie v meditsinskom diskurse [Communicative Impact in Medical Discourse]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 2, pp. 49-51.
- Chernyavskaya V.E., 2006. *Interpretatsiya nauchnogo teksta* [Interpretation of the Academic Text]. Moscow, KomKniga Publ. 128 p.
- Author and Reviewer Tutorials “Writing in English”. URL: <https://www.springer.com/gp/authors-editors/authorandreviewertutorials/writinginenglish/avoiding-common-language-issues/10252680> (accessed 22 May 2019).
- Batia L., 1989. What Percentage of Text Lexis Is Necessary for Comprehension? Lauren Ch.,

REFERENCES

- Bakhtin M.M., 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of the Word Creation]. Moscow, Iskusstvo Publ. 424 p.
- Vinogradov V.V., 1981. *Problemy russkoy stilistiki* [Issues of Russian Stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 320 p.
- Kozhina M.N., 2006. Nauchnyy stil [Scientific Style]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar*

- Nordman M., eds. *Special Language: From Humans Thinking to Thinking Machines*. London, Multilingual Matters, pp. 316-323.
- Bhatia V.K., 2002. Applied Genre Analysis: A Multi-Perspective Model. *Iberica*, vol. 4, pp. 3-19.
- Biber D., Gray B., 2010. Challenging Stereotypes About Academic Writing: Complexity, Elaboration, Explicitness. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 9, no. 1, pp. 2-20.
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., 1999. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow, England, Longman Pearson Education. 1204 p.
- Brezina V., Gablasova D., 2015. Is There a Core General Vocabulary? Introducing the New General Service List. *Applied Linguistics*, vol. 36, iss. 1, pp. 1-22. URL: <http://applied.oxfordjournals.org/content/early/2013/08/25/applin.amt018.abstract> (accessed 22 May 2019).
- Browne Ch., 2013. The New General Service List: Celebrating 60 Years of Vocabulary Learning. *The Language Teacher*, vol. 37, no. 4, pp. 13-15.
- Coxhead A., 2000. A New Academic Word List. *TESOL Quarterly*, vol. 34, no. 2, pp. 213-238.
- Crompton P., 1997. Hedging in Academic Writing: Some Theoretical Problems. *English for Specific Purposes*, vol. 16, no. 4, pp. 271-287.
- De Chazal E., 2014. *English for Academic Purposes*. Oxford, Oxford University Press. 610 p.
- Devitt A.J., 2015. Genre Performances: John Swales' Genre Analysis and Rhetorical-Linguistic Genre Studies. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 19, pp. 44-51.
- Fryer D.L., 2012. Analysis of the Generic Discourse Features of the English-Language Medical Research Article: A Systemic Functional Approach. *Functions in Language*, vol. 19, iss. 1, pp. 5-37. DOI: 10.1075/fo19.1.01fy.
- Gillett A., Hammond A., Martala-Lockett M., 2009. *Successful Academic Writing. Inside Track*. Harlow, Pearson Education. 334 p.
- Gray B., Cortes V., 2011. Perception vs. Evidence: An Analysis of *This* and *These* in Academic Prose. *English for Specific Purposes*, vol. 30, iss. 1, pp. 31-43.
- Guide for Authors. Author Information Pack*. URL: <https://www.elsevier.com/journals/human-immunology/0198-8859/guide-for-authors> (accessed 22 May 2019).
- Hamp-Lyons L., 2011. English for Academic Purposes: 2011 and Beyond. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 10, iss. 1, pp. 2-4. DOI: [org/10.1016/j.jeap.2011.01.001](https://doi.org/10.1016/j.jeap.2011.01.001).
- Henrik R.W., 2004. The Language of Medicine. *Journal of the Royal Society of Medicine*, vol. 97, iss. 4, pp. 187-188.
- Hyland K., Hamp-Lyons L., 2002. EAP: Issues and Directions. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 1, no. 1, pp. 1-12.
- Johansson V., 2008. Lexical Diversity and Lexical Density in Speech and Writing: A Developmental Perspective. *Lund University, Dept. of Linguistics and Phonetics. Working Papers*, vol. 53, pp. 61-79.
- Johns A.M., 1997. *Text, Role and Context: Developing Academic Literacies*. Cambridge, Cambridge University Press. 171 p.
- Martinez I.A., 2011. Impersonality in the Research Article as Revealed by Analysis of the Transitivity Structure. *English for Specific Purposes*, vol. 20, no. 3, pp. 227-247.
- Mendis D., 2010. Formality in Academic Writing: The Use/Non-Use of Phrasal Verbs in Two Varieties of English. *English for Professional and Academic Purposes*. Amsterdam, Rodopi, pp. 11-24.
- Mićić S., 2013. Languages of Medicine – Present and Future. *JAHHR*, vol. 4, no. 7, pp. 217-233.
- Nation I.S.P., 2006. How Large a Vocabulary Is Needed for Reading and Listening? *Canadian Modern Language Review*, vol. 63, no. 1, pp. 59-82.
- Parkinson J., 2000. Acquiring Scientific Literacy Through Content and Genre: A Theme-Based Language Course for Science Students. *English for Specific Purposes*, vol. 19, no. 4, pp. 369-387.
- Rundblad G., 2007. Impersonal, General and Social: The Use of Metonymy Versus Passive Voice in Medical Discourse. *Written Communication*, vol. 24, no. 3, pp. 250-277.
- Stebletsova A.O., Torubarova I.I., 2017. Empathy Development Through ESP: A Pilot Study. *Journal of Educational, Cultural and Psychological Studies*, vol. 16, pp. 237-249.
- Swales J.M., 1988. Discourse Communities, Genres and English as an International Language. *World Englishes*, vol. 7, no. 2, pp. 211-220.
- Swales J.M., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press. 262 p.
- Tarone E., Dwyer Sh., Gillette S., Icke V., 1998. On the Use of the Passive and Active Voice in Astrophysics Journal Papers: With Extensions to Other Languages and Other Fields. *English for Specific Purposes*, vol. 17, iss. 1, pp. 113-132. DOI: 10.1016/S0889-4906(97)00032-X.
- Vassileva I., 2001. Commitment and Detachment in English and Bulgarian Academic Writing. *English for Specific Purposes*, vol. 20, iss. 1, pp. 83-102.
- Weideman A., 2018. Academic Literacy: Why It Is Important. *Academic Literacy: Five New Tests*. Bloemfontein, Geronimo Distribution (Pty) Ltd., pp. ii-ix.

- West M., 1953. *A General Service List of English Words*. London, Longman, Green and Co. 601 p.
- Yoneoka D., Ota E., 2017. Evaluating Association Between Linguistic Characteristics of Abstracts and Risk of Bias: Case of Japanese Randomized Controlled Trials. *PLOS ONE*, vol. 12, iss. 3, pp. 1-10. DOI: 10.1371/journal.pone.0173526.

SOURCES

- I – Rydberg Sterner T., Ahlner F., Blennow K., Dahlin-Ivanoff S., Falk H., Havstam Johansson L., Hoff M., Holm M., Hörder H., Jacobsson T., Johansson B., Johansson L., Kern J., Kern S., Machado A., Mellqvist Fässberg M., Nilsson J., Ribbe M., Rothenberg E., Rydén L., Sadeghi A., Sacuiu S., Samuelsson J., Sigström R., Skoog J., Thorvaldsson V., Waern M., Westman E., Wetterberg H., Zetterberg H., Zetterberg M., Zettergren A., Östling S., Skoog I. The Gothenburg H70 Birth Cohort Study 2014–16: Design, Methods and Study Population. *Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 2, pp. 191-209. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0459-8>.
- II – Brandt P.A. van den. Red Meat, Processed Meat, and Other Dietary Protein Sources and Risk of Overall and Cause-Specific Mortality in The Netherlands Cohort Study. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 4, pp. 351-369. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00483-9>.
- III – Meier T, Gräfe K., Senn F., Sur P., Stangl G.I., Dawczynski C., März W., Kleber M.E., Lorkowski S. Cardiovascular Mortality Attributable to Dietary Risk Factors in 51 Countries in the WHO European Region from 1990 to 2016: A Systematic Analysis of the Global Burden of Disease Study. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 1, pp. 37-55. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0473-x>.
- IV – Kar S.P., Andrulis I.L., Brenner H., Burgess S., Chang-Claude J., Considine D., Dörk T., Evans D.G.R., Gago-Domínguez M., Giles G.G., Hartman M., Huo D., Kaaks R., Li J., Lophatananon A., Margolin S., Milne R.L., Muir K.R., Olsson H., Punie K., Radice P., Simard J., Tamimi R.M., Nieuwenhuysen E. van, Wendt C., Zheng W., Pharoah P.D.P. The Association Between Weight at Birth and Breast Cancer Risk Revisited Using Mendelian Randomisation. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 6, pp. 591-600. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00485-7>.
- V – Huth C., Toerne C. von, Schederecker F., Heras Gala T. de las, Herder C., Kronenberg F., Meisinger C., Rathmann W., Koenig W., Waldenberger M., Roden M., Peters A., Hauck S.M., Thorand B. Protein Markers and Risk of Type 2 Diabetes and Prediabetes: A Targeted Proteomics Approach in the KORA F4/FF4 Study. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 4, pp. 409-422. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0475-8>.
- VI – Chen J., Duin D. van der, Campos-Obando N., Arfan Ikram M., Nijsten Tamar E.C., Uitterlinden A.G., Zillikens M.C. Serum 25-Hydroxyvitamin D3 Is Associated with Advanced Glycation End Products (AGEs) Measured As Skin Autofluorescence: The Rotterdam Study. *European Journal Epidemiology*, vol. 34, iss. 1, pp. 67-77. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0444-2>.
- VII – Lundberg F.E., Iliadou A.N., Rodriguez-Wallberg K., Gemzell-Danielsson K., Johansson A.L.V. The Risk of Breast and Gynecological Cancer in Women with a Diagnosis of Infertility: A Nationwide Population-Based Study. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 5, pp. 499-507. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0474-9>.
- VIII – Kobeissi E., Hibino M., Pan H., Aune D. Blood Pressure, Hypertension and the Risk of Abdominal Aortic Aneurysms: A Systematic Review and Meta-Analysis of Cohort Studies. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 6, pp. 547-555. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00510-9>.
- IX – Jørgensen M.B., Pedersen J., Thygesen L.C., Lau C.J., Christensen Illemann A., Becker U., Tolstrup J.S. Alcohol Consumption and Labour Market Participation: A Prospective Cohort Study of Transitions Between Work, Unemployment, Sickness Absence, and Social Benefits. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 4, pp. 397-407. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0476-7>.
- X – Rasmussen I.J., Tybjærg-Hansen A., Rasmussen K.L., Nordestgaard B.G., Frikke-Schmidt R. Blood-Brain Barrier Transcytosis Genes, Risk of Dementia and Stroke: A Prospective Cohort Study of 74,754 Individuals. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 6, pp. 579-590. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00498-2>.
- XI – Sommerlad A., Perera G., Mueller C., Singh-Manoux A., Lewis G., Stewart R., Livingston G. Hospitalisation of People with Dementia: Evidence from English Electronic Health Records from 2008 to 2016. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 6, pp. 567-577. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00481-x>.
- XII – Wilkinson T., Schnier C., Bush K., Rannikmäe K., Henshall D.E., Lerpiniere C., Allen N.E., Flaig R., Russ T.C., Bathgate D., Pal S., O'Brien J.T.,

- Sudlowon C.L.M. Identifying Dementia Outcomes in UK Biobank: A Validation Study of Primary Care, Hospital Admissions and Mortality Data. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 6, pp. 557-565. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00499-1>.
- XIII – Modabbernia A., Sandin S., Gross R., Leonard H., Gissler M., Parner E.T., Francis R., Carter K., Bresnahan M., Schendel D., Hornig M., Reichenberg A. Apgar Score and Risk of Autism. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 2, pp. 105-114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0445-1>.
- XIV – Fest J., Ruiter T.R., Groot Koerkamp B., Rizopoulos D., Arfan Ikram M., Eijck C.H.J. van, Stricker B.H. The Neutrophil-to-lymphocyte Ratio Is Associated with Mortality in the General Population: The Rotterdam Study. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 5, pp. 463-470. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0472-y>.
- XV – Hamer M., O'Donovan G., Stamatakis E. Association Between Physical Activity and Sub Types of Cardiovascular Disease Death Causes in a General Population Cohort. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 5, pp. 483-487. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0460-2>.

Information about the Authors

Anna O. Stebletsova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Studencheskaya St., 10, 394036 Voronezh, Russia, annastabl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

Irina I. Torubarova, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Studencheskaya St., 10, 394036 Voronezh, Russia, torubarova69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6712-1865>

Информация об авторах

Анна Олеговна Стеблецова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, ул. Студенческая, 10, 394036 г. Воронеж, Россия, annastabl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

Ирина Ивановна Торубарова, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, ул. Студенческая, 10, 394036 г. Воронеж, Россия, torubarova69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6712-1865>